

книг по системе «ресіа»¹³ находит в настоящее время продолжателей.¹⁴ Интересные данные найдены чешским исследователем Флодром о ценах на рукописи.¹⁵ Изучение переплетов ранне-средневековых кодексов помогает их датировке и локализации.

Суммируя разобранный материал, можно констатировать значительные элементы повторства в области изучения латинского средневекового письма. К их числу относятся успешные в целом мероприятия по координированию работы палеографов отдельных европейских стран и по осуществлению изданий и руководств международного масштаба. Производится подготовка к использованию для палеографических целей электронной машины. Значительно совершенствуется и усложняется методика палеографического исследования. К этому следует добавить численный рост специалистов, большее единообразие и целенаправленность их усилий.

Что касается новых теорий в области истории латинского письма, то мы надеемся иметь возможность обратиться к их анализу через некоторое время, когда оживленные дискуссии на эту тему дадут более или менее отчетливые результаты.

Л. Г. КАТУШКИНА

**ФОНД ГЕНУЭЗСКОЙ ЛЕГАЦИИ КАРДИНАЛА
ДЖОВАННИ МОРОНЕ 1575—1576 гг. В СОБРАНИИ
АРХИВА ЛОИИ СССР АН СССР**

Этот фонд не относится к разряду новых поступлений архива. В собрание Западноевропейской секции он вошел в составе коллекции Н. П. Лихачева, но только теперь выделен как самостоятельная часть личного фонда кардинала Джованни Мороне.¹ Точное время приобретения его Н. П. Лихачевым, как и большинства материалов его коллекции, неизвестно. Крайней возможной датой является, вероятно, 1914 г. Не удалось пока установить и источник этого приобретения.

В своем первоначальном виде, т. е. в том, в каком он вышел из канцелярии кардинала, фонд состоял из трех переплетенных

¹³ J. Destrez. La «ресіа» dans les manuscrits universitaires du XIIIe et XIV siècle. Paris, 1935.

¹⁴ В. Л. Романова. Некоторые вопросы организации производства рукописной книги во Франции XIII—XV вв. Средние века, вып. XIX, М., 1961, стр. 80—107.

¹⁵ M. Flodr. A propos des prix de manuscrits au moyen âge. Sborník prací filosofické fakulty Brněnské University, 1963, pp. 10, 25—31.

¹ Архив ЛОИИ, Западноевропейская секция, ф. 1.

томов, два из которых — I и III — стали собственностью Н. П. Лихачева. Вероятно, уже в момент приобретения переплеты томов были утрачены, а сами тома расшиты. Затем их содержимое было систематизировано по корреспондентскому признаку (материалы легации более чем на 70% состоят из писем). При этом вокруг определенных лиц была объединена лишь небольшая часть писем, большинство же было выделено в весьма выразительную группу — «письма разных лиц к неизвестным адресатам и другие материалы». При такой обработке фонд канцелярии по существу превратился в весьма хаотическое собрание писем и каких-то заметок юридического характера, объединенных лишь именем основного адресата — кардинала Мороне. К тому же среди документов легации оказалось несколько писем, адресованных Мороне и датированных 1555—1571 гг. (58 листов), что окончательно уводило от мысли связывать все собрание писем с определенным периодом деятельности одного из крупнейших дипломатов папской курии второй половины XVI в. Поэтому нет ничего удивительного, что в Путеводителе, составление которого в силу необходимости предшествовало систематическому описанию коллекции Н. П. Лихачева,² эти материалы были определены как часть фонда кардинала Мороне, с характеристиками, формально правильными, но ни в малейшей степени не раскрывающими их содержание.³

Восстановить первоначальный вид томов, а вместе с тем и истинное содержание составляющих их материалов можно было только в процессе детального описания каждой его единицы. Важным обстоятельством при этом оказалось то, что в верхнем правом углу многие листы имеют нумерацию, сделанную арабскими цифрами, почерком, современным документам. Осталось только подобрать из всех картонов, в которых были размещены

² Такое нарушение правил обработки архива вполне оправдано стремлением авторов Путеводителя хоть сколько-нибудь ориентировать исследователей в материалах Западноевропейской секции, которая до появления Путеводителя поистине была «terra incognita»; для превращения же ее в подлинную «terra coltivate» для исследователей, учитывая многоликость и сложность собрания Н. П. Лихачева, потребуются еще много лет кропотливой архивной работы. По мере того как эта работа проводится, устаревают многие обзоры Путеводителя, уточняются рамки и содержание отдельных коллекций, выделяются новые коллекции и фонды. Фонд кардинала Мороне далеко не единственный. Так, например, из обширной коллекции «Документы по истории различных городов Италии» (Путеводитель по Архиву ЛОИИ, М.—Л., 1958, стр. 457—459) выделены как самостоятельные: Акты Падуи XIV в. (100 ед. хр.), Собрание документов коммунальных учреждений Перуджи XIII—XIV вв., Архив землевладельческих документов вичентинской семьи Пигафетта XV—XVII вв. (более 3 тыс. единиц). То, что раньше значилось как документы г. Пизы, оказалось «Донесениями пизанских послов в Генуе и Венеции за 1496—1497 гг.» (50 ед. хр.).

³ Путеводитель по Архиву ЛОИИ, стр. 455.

материалы, связанные с именем Мороне, пронумерованные листы и подложить их в порядке нумерации. Как только это было сделано, отрывочные, хотя местами и захватывающие по содержанию «заметки» и «очерки» превратились в хорошо скомпонованную и документированную «повесть» о генуэзских событиях 1575—1576 гг.

Теперь перед нами два тома. I том охватывает период с 11 марта 1575 г., т. е. с момента вмешательства папы Григория XIII в генуэзские дела, по 30 сентября включительно того же года и содержит 1442 страницы. Том дошел до нас почти в полном составе, отсутствуют лишь стр. 586—590, 1029—1034, 1347—1350.⁴ Общий вид последнего листа тома убеждает в том, что он был действительно последним в переплете: страничка укреплена наклеенной на нее ниже последних строк текста полоской бумаги, отрезанной от целого листа. Как видно из сохранившейся на ней части текста, для этой цели был употреблен лист со списками лиц, пришедших приветствовать Мороне в день его прибытия в Геную в качестве легата. Это указывает на то, что при оформлении дела легации в него вошли не все документы, отложившиеся в канцелярии, а лишь те, которые были отобраны для «постоянного хранения».⁵ Каждая единица тома оформлена согласно правилам, принятым в папской канцелярии: на дорсальной стороне каждого документа имеются канцелярская помета,⁶ состоящая из даты, соответствующей дате написания письма или документа,⁷ имя корреспондента, дипломатическое определение документа — оригинал, минута, копия,⁸ дубликат, трипликат, во многих случаях письма и документы имеют также и краткую аннотацию. Нумерация страниц тома производилась уже после окончательной подборки документов, долженствующих войти в его состав. Об этом свидетельствуют перекрестные пометы на полях документов: на стр. 822 — «vide p. 319», на стр. 790 — «vide p. 834» и т. д.

Листы II из принадлежащих Архиву ЛОИИ томов (третьего в делопроизводстве канцелярии Мороне) не имеют нумерации, поэтому восстановить с полной уверенностью первоначальный порядок расположения документов не представляется возможным.

⁴ Листы 637—643 ошибочно пронумерованы дважды, а страницы 692 и 693 не пронумерованы вовсе.

⁵ Часть документов, впрочем, была утеряна еще во времена деятельности канцелярии легатства, именно этим можно объяснить отсутствие в нашем томе нескольких писем кардинала ди Комо к Мороне, о которых известно из ответов последнего, что они были получены (от 2, 16, 30 мая, 17, 25 июля).

⁶ Все канцелярские пометы сделаны одной рукой.

⁷ Правило регистрации документа по дате поступления еще не было принято.

⁸ Большинство из этих копий, по номенклатуре, принятой в дипломатике, соответствует перебеленным минутам с последующей правкой их автором.

При реконструкции этого тома мы взяли за образец правила формирования, которые можно было установить по I тому. По типу документов II том аналогичен I и с канцелярской точки зрения оформлен точно так же, т. е. все единицы имеют на обороте канцелярскую регистрационную помету, состоящую из тех же элементов и сделанную той же рукой, что и в I томе. Единственным отличием дорсальной надписи на документах II тома является помета, правда, встречающаяся не сплошь, сделанная более черными чернилами и более толстым пером, из трех букв «rta», что может означать, по-видимому, контракцию слова «registrata». Оформление тома не было закончено по причинам, лежащим вне канцелярии (см. об этом ниже). Поэтому мы не можем утверждать, что в этом томе по сравнению с его первоначальным составом нет пробелов. Но если они и есть, то, вероятно, весьма незначительные, такие, что ни хронологический, ни тематический анализы тома их не обнаруживают.

Том, как уже сказано, открывается материалами, датированными 1 января 1576 г., и заканчивается 4 апреля того же года, т. е. с истечением срока полномочий Мороне в качестве легата в Генуе. Но окончание работы легата и возглавляемой им комиссии не вполне совпало хронологически с полной стабилизацией положения в Генуе. Поэтому Мороне, находясь уже в Германии с новым поручением папы, еще продолжал заниматься генуэзскими делами. Это дополнение к основному корпусу документов II тома составляет 34 единицы, его крайние даты — май 1576 г. — осень 1577 г. Этот комплекс документов мы не можем, с дипломатической точки зрения, рассматривать как единое целое с вышеназванными томами, так как формально они уже не отражают результата деятельности Мороне как легата, следовательно, составляют часть фонда кардинала, а не канцелярии легатства. Даже их археографическое оформление носит иной характер, и вряд ли они были подшиты к тому, большинство из них не носит следов подшивки. В то же время эти 34 единицы являются логическим продолжением и завершением генуэзской легации. Количество пробелов в этом «дополнении» из-за ее разрозненности установить, естественно, нельзя.

Таким образом, в распоряжении исследователя имеются два практически полных тома документов генуэзской легации Мороне от начала ее деятельности и до конца, с досадным пробелом в три месяца — октябрь—декабрь 1575 г. Документы, отражающие деятельность легата в этот период, составляли II том делопроизводства его канцелярии. Теоретически существование такого тома не может подлежать сомнению, так как, согласно данным других источников, в работе легации не было перерывов и именно в это время были выработаны многочисленные постановления текущего законодательства. Упоминания о них, как и о других сторонах деятельности комиссии, можно встретить на страницах

документов нашего II тома (11 февраля, 20 мая и т. д.). Этот том, вероятно, не сохранился.⁹

Раньше чем перейти к раскрытию содержания нашей части легации и определению ее значения в качестве источника для истории генуэзских событий 1574—1576 гг., необходимо хотя бы кратко изложить обстоятельства, вызвавшие к жизни эту легацию.

Генуэзское восстание 1574—1576 гг., как и вся социально-политическая история Генуи второй половины XVI в., ни разу не была объектом специального исследования.¹⁰ Соответствующие главы и параграфы в общих работах по истории Генуи и Италии, вплоть до самых последних,¹¹ основаны на данных трех опубликованных источников, но главным образом на «Генуэзских анналах шестнадцатого века»,¹² написанных современником событий, венецианским историком Филиппо Казони (ум. в 1609 г.). Для написания «Анналов» он пользовался только документами генуэзских архивов: некоторыми письмами политических деятелей Генуи и членов ее правительства, регистрами правительства, регистрами учреждений, инструкциями послам и правительственным чиновникам, их реляциями, документами юридического характера и рукописями воспоминаний некоторых современников.

В целом «Анналы» Ф. Казони можно расценивать как источник весьма добротный, но в отношении событий 1574—1576 гг. не только недостаточно подробный,¹³ но и односторонний как в силу круга использованных источников, так и в силу личной политической ориентации автора «Анналов».

Во второй половине XVI в. Генуя была одним из немногих итальянских государств, сохранивших республиканский строй правления и хотя и относительную, но самостоятельность. Вся власть, законодательная и исполнительная, сосредоточивалась в руках олигархической верхушки в лице местного нобилитета, точнее, одной его части, так называемого старого нобилитета. Права новых нобилей¹⁴ на участие в управлении республикой и

⁹ Судьба личного фонда кардинала Дж. Мороне, часть которого составляли и документы его канцелярии в Генуе, до настоящего времени не установлена. Насколько нам известно, в Ватиканском архиве хранится только небольшая часть его — письма, адресованные Мороне в 1548—1574 гг. Отдельные фрагменты его корреспонденции имеются во многих хранилищах Италии. См.: P. O. Kristeller. *Iter italicum*, v. 1—2, London—Leyden, 1965—1967.

¹⁰ V. Vittale. *Breviario della storia di Genova*, v. II, 1955, p. 11.

¹¹ V. Vittale. *Breviario della storia di Genova*, v. I, 1955, p. 229—237; *Storia d'Italia*, v. II, Milano, 1962, pp. 434—442.

¹² F. Casoni. *Annali della Repubblica di Genova secolo decimosesto*. Genova, 1708. Экземпляр первого издания имеется в ГИПБ.

¹³ Изложение всех обстоятельств восстания занимает в «Анналах» Казони стр. 316—336.

¹⁴ Другое, часто встречающееся в наших документах название партий, так сказать, топографического происхождения: «новые» назывались партией «portico di S. Pietro», «старые» — «portico di S. Luca».

ее политической жизни были ограничены. Несмотря на то что «новые» и по своей численности (300 семей «новых» против 24 «старых»), и по своей финансово-экономической мощи и влиянию далеко превосходили партию «старых», в высших государственных органах республики они могли по закону 1547 г. занимать лишь половину мест.

Борьба за отмену этого закона, т. е. борьба за власть, между двумя прослойками господствующего класса и составляла основу тех событий, которые, потрясая в течение двух лет Геную, получили столь широкий резонанс во всей системе государств Средиземноморского бассейна. Эта внутриклассовая распря была осложнена, с одной стороны, рядом восстаний генуэзского пополанства и плебса, носивших антиналоговый характер, и вмешательством Испании во внутренние дела республики, — с другой.

Особенной остроты борьба достигла весной 1575 г., когда «новые», видя бесплодность своих усилий добиться отмены ненавистного закона легальным путем, перенесли ее на улицы города, призвав на помощь плебс и пополанов. В результате восстания 14 марта «старые» были изгнаны из города.¹⁵ Назревала угроза гражданской войны, в которую на стороне «старых» и закона намеревалась ввязаться Испания. Последнее обстоятельство могло привести в свою очередь к большой европейской войне на территории Италии. Не удивительно, что взоры ряда итальянских государей и прежде всего папы обратились к Генуе.¹⁶ Возможный захват Генуи Испанией и усиление ее позиций затрагивали папу не только как главу одного из итальянских государств, но и как главу католической церкви. Это и понятно, если вспомнить о тех разногласиях в церковной политике, которые разделяли Филипп II и Григория XIII.

Вмешательство папы в генуэзский конфликт в случае успеха сулило ему не только политический, но, что еще более важно, моральный выигрыш, ибо задача состояла в том, чтобы не только умиротворить Геную, но и предотвратить угрозу взрыва политической системы Като-Камбрези, что в данный момент не могло устраивать ни одно из государств, кроме Испании. Для выполнения этой сложной и щекотливой миссии был найден достойный исполнитель в лице ведущего папского дипломата кардинала Джованни Мороне (1509—1580), искусству и талантам которого папство во многом обязано своей победой на Тридентском соборе.¹⁷

Назначение Дж. Мороне папским легатом в Геную датируется 18 марта 1575 г., но еще ранее в Геную для ознакомления с хо-

¹⁵ Четкая характеристика целей и движущих сил восстания дана в письме Дж. Фр. Каноббио к кардиналу ди Комо. См. стр. 1—4 I тома.

¹⁶ *Storia d'Italia*, v. II, pp. 436—437.

¹⁷ G. Spini. *Storia d'età moderna*. Torino, 1965, p. 274.

дом дела и для подготовки к приему папского легата в качестве нунция был послан Джованни Франческо Каноббио, приближенное к Григорию XIII лицо (*sacerdote domestico di S. S.*), который как генуэзец имел прочные связи с местным духовенством. Письмом Каноббио от 15 марта, адресованным министру иностранных дел папской курии кардиналу Толмео Галло, более известному под именем кардинала ди Комо, и переданном в копии Мороне, открывается I том документов генуэзской легации.¹⁸

Мороне не спешил попасть к месту своего назначения, он выбрал самый длинный сухопутный путь,¹⁹ что дало ему возможность не только выиграть время и углубиться в изучение генуэзских дел, но и выяснить позиции некоторых итальянских государей, в частности, Великого герцога Тосканского, с представителем которого имел специальную встречу.²⁰ Каноббио регулярно информировал Мороне о положении дел, отправляя ему не только свои реляции,²¹ но и копии документов и писем официальных и частных лиц. Среди них отметим два письма генуэзского посла в Мадриде Стефано Саули к Синьории, письма маркиза Массы к испанскому королю и к Никколо Дориа в Геную. Копии некоторых писем Мороне, несомненно, получал из Рима, например письмо дожа к генуэзским кардиналам Ломеллино и Джустиниано в Рим, письма неизвестного генуэзца к тому же кардиналу Ломеллино и др.²²

И все же они не дали легату достаточно точного представления о сложности генуэзской обстановки, его письма к ди Комо с дороги и первые после прибытия в Геную (16 и 18 апреля) наполнены ничем не оправданным оптимизмом и уверенностью в скором завершении своей миссии.²³ Собственная позиция легата в отношении генуэзских событий, которыми ему предстояло заняться, отчетливо выражена в письме к ди Комо от 26 марта, написанном еще с дороги.²⁴ Во втором письме к ди Комо от 18 апреля Мороне формулирует задачу своей миссии весьма ограниченно — устранение угрозы гражданской войны и восстановление деятельности институтов правосудия.²⁵ Задачи на пер-

¹⁸ В дорсальной надписи оно названо «*Avvisi del Canobbio con ragionamento havuto con l'ambasciatore cattolico di Genova*». См. стр. 5 I тома.

¹⁹ Письма Мороне, посланные в Рим по пути в Геную, дают возможность установить его маршрут.

²⁰ Письмо Мороне от 28 марта. Стр. 62—63 I тома.

²¹ См. стр. 56—59, 64—67, 78—81, 82—83, 84—87, 106—113 I тома.

²² См. стр. 25—26 I тома.

²³ См. стр. 126—131 I тома.

²⁴ В дорсальной надписи оно названо «*Discorso*». В нем Мороне, в частности, отмечает, что поскольку «*lo stato popolare di Genova habbia scacciato li nobili vecchi e rotta la legge del 1547 viene in dubbio si l'andato dal legato apostolico sia per esser utile o necessaria alla quiete di quella Repubblica*». См. стр. 44 I тома.

²⁵ Стр. 128—131 I тома.

вый взгляд несложные, но на выполнение их ушло более полутора лет.

Самый состав нашего источника намечает несколько аспектов его использования при изучении всего комплекса генуэзских событий тех лет.

Во-первых, это установление хода восстания, точнее, серии восстаний. Здесь материалы Канцелярии Мороне буквально незаменимы, особенно если учесть, что «Анналы» Казони не страдают детализацией и обилием дат. Из его изложения не всегда можно установить, в каком месяце, не говоря уже о числе, произошло то или иное событие. Подробнейшие донесения нунция Каноббио к Мороне с 16 марта по 12 апреля, а затем самого Мороне к кардиналу ди Комо и другим лицам позволяют восстановить картину во всех деталях. Мороне писал ди Комо почти ежедневно, а иногда и по два письма в день. За первые пять месяцев²⁶ им было написано 81 письмо. В ряду наиболее ярких фактов, не нашедших почти никакого отражения в хронике Казони и которые можно описать и понять только на основании данных лишь нашего источника, нужно отметить восстание 6 мая. Оно в отличие от предыдущего, 14 марта, было поднято против желания «новых» пополанами и плебсом и направлено против действующего правительства Генуи, в защиту собственных интересов. Для освещения этого восстания мы имеем не только письма Мороне²⁷ и его обширную «Реляцию» от 13 мая 1575 г.,²⁸ но и такие совершенно бесценные источники, как «Memoriale dato dalli popolo» (с изложением его требований и программы пополан, список нескольких групп «cittadini venuti spontaneamente dal legato» на следующий после неудавшегося восстания день с краткой пометой об отношении каждой из них к восстанию),²⁹ протокол допроса арестованных по делу о восстании.³⁰ Примерно столь же полное отражение нашли в материалах легации и другие события внутригородской жизни.

Наряду с богатым фактическим материалом письма Мороне содержат и обширный оценочный, отражающий точку зрения Мороне, что не может не представлять интереса для историка, когда он имеет дело с таким тонким дипломатом и выдающейся личностью, как кардинал Мороне.

Документы легации — важнейший источник для восстановления переговоров между «старыми» и «новыми», руководимых

²⁶ Учитывая существенные отличия в составе томов легации, здесь мы анализируем состав и содержание только I тома. Укажем для сравнения, что во II томе число писем Мороне в Рим резко сокращается, с 1 января по 1 апреля их было только 18, и это определялось изменением в характере деятельности легата.

²⁷ См. стр. 195—202, 207—228 I тома.

²⁸ Relazione del afatto genovese. Стр. 233—242 I тома.

²⁹ Стр. 191—194 I тома, см. также стр. 211—218, 219—228.

³⁰ Стр. 251—268 I тома, см. также стр. 303—310.

Мороне больше при сопротивлении, чем при содействии испанского посла в Генуе, а следовательно, и для характеристики позиций этих партий и стоящих за ними сил. Целью этих переговоров на данном этапе, до осени 1575 г., было возвращение к *status quo ante bellum*, точнее *ante ribellum*, примирение обеих враждующих партий, заключение между ними мирного договора — *libero compromisso*. Посредником и инструментом этого примирения, кроме самого Мороне, должно было стать действующее, точнее, бездействующее правительство Генуи. Настроения, действия партии «новых», которые находились в городе, нашли отражение главным образом в письмах самого легата, так как в это время переговоры с ними велись устно и не находили отражения в официальных документах. «Старые» же (своим центром они сделали замок и крепость Финале) выдвинули специальных депутатов, которые от имени партии должны были вести переговоры.³¹ Пребывали ли они в Генуе или удалялись в Финале, как они это сделали вскоре после прибытия легата,³² все свои претензии к правительству, противной партии и легату и ответы на предложения Мороне они оформляли специальным документом — их в I томе насчитывается 27 единиц. Дополнениями к ним служат письма неофициального, но очень авторитетного главы партии «старых» Джованни Андреа Дориа, адмирала испанского флота, к Мороне и генуэзской Синьории — 9 единиц, а также письма специальных посланцев Мороне в Финале епископа Одескалько и аудитора падре Бенедетто — 7 единиц.

Итоги деятельности Мороне на первом этапе были ничтожны, единственное, чего ему удалось добиться, это некоторой нормализации положения внутри городских стен. Переговоры между «старыми» и «новыми» зашли в неизбежный тупик: «новых» никак не могло устраивать возвращение к старому положению и восстановление действий закона 1547 г. «Старые» же, чувствуя за собой поддержку Испании, твердо решили вернуть себе Геную силой оружия.

Комплекс документов легации дает возможность восстановить истинную роль Испании и ее представителей в Генуе, герцога Гандийского и посла Хуана Идеаквеца, в разжигании гражданской войны и роль, которую сыграл в этом Джованни Андреа Дориа.³³ Задача выяснения истинной позиции Испании в генуэз-

³¹ Представителями *pobiltà vecchia* в этих переговорах были Джованни Баттиста Леркаро, Джакомо Негро, Джорджо Дориа, Стефано Приуло, Бартоломео Ломеллино, Джованни Баттиста Спинола, Антонио Серра. Стр. 243—246 I тома.

³² 20 апреля.

³³ Довольно многочисленные письма Джованни Андреа Дориа к Дж. Мороне и правительству Генуи служили сокрытию тех истинных целей, которые он преследовал в том восстании. См., например, стр. 383—390 I тома.

ском конфликте еще стоит перед будущим исследователем. И в этом отношении документы канцелярии Мороне дают исследователю богатый, хотя и не исчерпывающий материал. Тема Испания и Генуя наиболее ярко представлена письмами кардинала ди Комо, бдительно следившего за происками испанцев в Риме, и самого Мороне с позиции испанского посла в Генуе, письмами этого последнего к Мороне,³⁴ перепиской легата с папским нунцием в Мадриде Никколо Орманетто (33 единицы) с 29 мая по 21 сентября 1575 г.³⁵ Их дополняют письма испанского посла в Риме к Мороне и переписка самого Мороне с Филиппом II.³⁶

Совершенно исключительный интерес представляет группа писем, присутствие которых среди документов канцелярии легата объяснить не так просто. Мы имеем в виду 12 писем: Агостино Спинолы, Стефано Леркаро, Лоренцо Леркаро и Стефано Грилло из Мадрида к депутатам нобилиям портико Сан Лука, «Синьории» Генуи и Джованни Баттиста Леркаро, одному из главарей «старых», а также письма Бартоломео Саули в Мадрид к брату, генуэзскому послу при Филиппе II. Все они представляют собой копии, написанные одной рукой, весьма характерным, не канцелярским почерком (ни в одном другом документе легации он более не встречается), ни одно из них не несет на себе канцелярских помет, листы их не нумерованы, хотя и относятся к 1575 г. (между 12 марта и 17 июня). Можно лишь предположить, что они попали в руки легата от некоего доброжелателя, желавшего разоблачить перед легатом происки «старых» при испанском дворе. И действительно, письма дают великолепный материал для этого. О том, что такой доброжелатель, бдительный горожанин, мог найтись, напоминает нам интереснейший документ из II тома легации — копия листовки, прибитой на дверях Дуомо, раскрывающая глаза согражданам на замыслы испанского короля в отношении свободы Генуи.³⁷

Французская позиция в отношении Генуи не может быть с достаточной четкостью выяснена на основании наших документов. Ни одного документа, исходящего от французской стороны, которую традиционно считают опорой «новых», среди документов легации нет. Франция никак себя активно в генуэзском конфликте не проявляла, у французского короля хватало хлопот в собственной стране. Она ограничилась присылкой в Геную своего агента, некоего Марио Бираго (4 июля), не имевшего, как сообщает Мороне, даже официального ранга посла.³⁸ Анализ ле-

³⁴ Стр. 152—157, 183—186 I тома.

³⁵ Стр. 343—346, 365—372, 465—476 и сл. I тома; стр. 83—88, 253—256, 345—352, 673—676 и т. д. II тома.

³⁶ Приложение II, стр. 1—50.

³⁷ Стр. 1307—1308 II тома.

³⁸ Стр. 521—523 I тома.

гатов взаимоотношений и связей Бираго с партией «новых» в Генуе и заметки о возможной позиции Франции на основании собранных им из разных источников сведений, сообщаемых в письмах к ди Комо, принадлежат к наиболее блестящим страницам его корреспонденции.³⁹ К сожалению, кроме писем Мороне, сведения о политике Франции весьма отрывочны. Но и они дают некоторые основания для пересмотра традиционной точки зрения. У Франции в этот момент не было ни сил, ни желания вмешиваться в итальянские дела, во всяком случае пока Испания не перешла к прямым военным действиям. Слухи же о возможном реальном выступлении Франции на стороне «новых» — это один из маневров испанской политики.

Характеризуя значение документов канцелярии Мороне, нельзя, конечно, пренебречь тем обстоятельством, что для ряда внешнеполитических моментов они могут и должны быть пополнены документами, отложившимися в архивах Франции и Испании. По вопросам внутренней политики целые серии документов должны быть не только в Генуэзском, но и в Ватиканском архиве, в частности в фонде кардинала ди Комо. В одном из своих писем кардинал сообщает: «Мы тут буквально засыпаны письмами „старых“ и „новых“ и Синьории».⁴⁰ Письма кардинала ди Комо, бывшего в то время руководителем внешней политики курии, к Мороне в нашем фонде — существенный источник для характеристики позиции Рима в генуэзском конфликте, а через него и для характеристики отношения папской курии к Испании и Франции. Важной стороной, обогащающей письма ди Комо к Мороне как источник для раскрытия позиции Григория XIII, является то обстоятельство, что они написаны человеком, связанным с легатом узлами личной дружбы. В одном из писем ди Комо прямо обращается к Мороне — «мой единственный друг». Эти взаимоотношения двух крупнейших политических деятелей курии отразились не только в тоне, но и в содержании писем. Как другу ди Комо сообщал легату значительно больше, чем было положено по инструкции, не только официальные требования момента, но и многое из закулисной интриги. Для характеристики политики папства интересны также брeve Григория XIII, обращенные к разным участникам конфликта — Филиппу II, «Синьории» Генуи, европейским государям и т. д. Все они представлены в нашем фонде копиями и, будучи собраны вместе, служат хорошими вехами при рассмотрении папской политики.

Как мы уже упоминали, эта политика Григория XIII, направленная на примирение враждующих партий на старой основе, не принесла желаемых результатов. Под прикрытием затянувшихся бесплодных переговоров «старые» сумели подготовить и начать

³⁹ Стр. 489—492, 505—508, 521—532, 537—544 I тома.

⁴⁰ Стр. 1161 I тома.

самостоятельные военные действия.⁴¹ Испания, продолжая вести интриги в пользу партии «старых», не решалась и до конца конфликта так и не решилась на открытое вмешательство. Немаловажной тому причиной была твердая политика Григория XIII, который решительно заявил, что вмешательство Испании приведет ее к войне с объединенными силами итальянских государств.⁴²

Несомненные военные успехи Джованни Андреа Дориа к осени 1575 г., когда в его руках оказались все генуэзские порты, казалось, не произвели никакого впечатления на хозяев Генуи — новый нобилитет, но зато встревожили «старых», которые справедливо опасались, что Дориа станет претендовать на роль диктатора в Генуе. Именно в этой ситуации Мороне удалось добиться первого успеха: Синьория признала за представителями папы, испанского короля и императора права официального учреждения. Они в лице папского легата Мороне, испанского посла Хуана Идеакведа и специального посланца Филиппа II герцога Гандиа, имперского комиссара епископа Акви и чрезвычайного посла графа Витто Доримберга составляли теперь Комиссию министров. Декретом Синьории от 2 сентября Комиссия⁴³ была облечена полномочием реформировать законы республики так, чтобы они удовлетворяли обе партии и служили основой для упорядоченного управления республикой при условии сохранения ее независимости.⁴⁴ На основе этих законов должно было быть сформировано новое жизнеспособное правительство. Вплоть до выработки нового законодательства и назначения нового правительства и городских магистратов их функции принимала на себя «Комиссия трех министров». Но, как уже было сказано, декрет этот пока был принят лишь Синьорией, т. е. силой, наименее авторитетной из всех, кто считал себя вправе распорядиться судьбами республики. Задача состояла теперь в том, чтобы эти полномочия были признаны «старыми», «новыми», Джованни Дориа, пополанами и их представителями. Но даже этот незначительный прогресс был с большим удовлетворением встречен в Риме.⁴⁵

Последние 450 страниц I тома легации составляют документы, почти целиком посвященные усилиям и ухищрениям Мороне и его помощников по достижению соглашения борющихся сторон

⁴¹ Хотя, как они утверждали, «con lagrime sugli occhi». Стр. 1049 I тома.

⁴² Брeve Григория XIII от 24 августа. Стр. 833—836 I тома.

⁴³ Decreta della balia libera. Стр. 981 I тома, см. также стр. 1059—1074 II тома (различные редакции текста декрета), стр. 1059—1062 отредактированы рукой Мороне. Окончательный текст стр. 1215—1218.

⁴⁴ Документ от 11 сентября, озаглавленный «Repliche fatte dalla Signoria alla capitulatione mandata alle 10 settembre».

⁴⁵ Письмо кардинала ди Комо от 17 сентября. Стр. 1161 I тома.

на основе декрета и поискам путей претворения его в жизнь. Кроме текстов ряда редакций самого декрета, это нашло свое отражение в переписке Мороне с Римом, донесениях посланцев легата в Финале,⁴⁶ письмах Дж. Андреа Лориа к Мороне и документах, подписанных депутатами nobilita vecchia, прибывшими для ведения переговоров в Геную 18 сентября. Стефано Катанео, Андреа Чентурионе, Мео Дориа, Филиппо Спинола, Даниело Спинола и Николо Палавичино.⁴⁷ Требования партии «старых», при условии принятия которых они соглашались вступить в переговоры о заключении перемирия с «новыми» и признать полномочия Комиссии трех, наиболее четко изложены в записке, озаглавленной «Le cose che dispiaceno nel decreto alli gentil'homini del Finale», от 26 сентября и в коллективном письме «нобилей Финале» от того же числа.⁴⁸ Изложенные в них требования носят характер принципиальных установок. Конкретные же требования очень четко изложены в письме епископа Одескалько к прокуратору Дж. Спинола.⁴⁹ Они сводились к сохранению за «старыми» ряда крепостей и портов, их военных сил и обеспечению личной безопасности.

Рим чрезвычайно торопил легата с закреплением достигнутого успеха, так как Филипп II Испанский вновь начал поговаривать о необходимости прямого вмешательства ввиду того, что Комиссия не может сдвинуть дело с мертвой точки. Папа вновь направляет бреве ко всем государям Италии и Европы, запрещающие какое-либо вмешательство в генуэзские дела. Рим тревожили также сообщения о том, что переговоры ведутся с единственной целью накопить силы для нового наступления.⁵⁰ Последнее подтверждается и запиской о расположении и передвижении военных отрядов на территории республики, полученной Мороне.⁵¹ Григорий XIII предлагает прибегнуть по отношению к Генуе и ее территории к экономическим санкциям, т. е. в случае затяжки переговоров запретить доставку к Лигурийскому побережью хлеба.⁵² Очень затрудняло переговоры и то, что между членами комиссии не было единства. Первые их согласованные предложения были выработаны лишь 30 сентября.⁵³ Этот документ завершает I том легации.

⁴⁶ Главным образом епископа Одескалько. См., например, *Relatione del vescovo Odescalco di quel che ha trattato con li nobili di portico S. Luca al Finale*. Стр. 1141 сл. I тома. Статьи, вызвавшие особенные разногласия, сведены в отдельном документе. См. стр. 1373—1383 I тома.

⁴⁷ Стр. 1079, 1149—1152, 1237—1242, 1307—1310, 1415—1418 I тома.

⁴⁸ Стр. 1373—1376 I тома.

⁴⁹ Стр. 1389—1392 и сл. I тома.

⁵⁰ Из письма ди Комо от 23 сентября. Стр. 1275—1281 I тома.

⁵¹ 24 сентября. Стр. 1305—1306 I тома.

⁵² Стр. 1278 I тома.

⁵³ Стр. 1435—1442 I тома, две редакции *Proposte fatte unitamente dalli signori ministri dalli tre principi*.

Этот этап переговоров был завершен подписанием 26 октября специального договора между тремя сторонами: «старыми», «новыми» и Комиссией трех. 28 октября соглашение в качестве закона было утверждено на заседании сената.

К сожалению, и обстоятельства заключения соглашения 28 октября, и последующие события внутренней жизни Генуи, среди которых неудавшееся восстание, поднятое Бартоломео Коранато от имени пополо и плебса в декабре 1575 г., можно проследить лишь по «Анналам» Казони, так как в материалах канцелярии Мороне существует пробел.

Документация II тома из хранящихся в Архиве ЛОИИ начинается с 1 января 1576 г. и отражает борьбу вокруг выработки новой конституции.

Чтобы обеспечить себе независимость и спокойную обстановку для работы, Комиссия вскоре после восстания Коранато переехала в маленький городок Казале в Монферрате. Представителями комиссии и легата, который занял в ней главенствующее положение, остались епископ Одескалько и нунций Дж. Франческо Каноббио. Их донесения, буквально ежедневные, составляют основу сведений о внутреннем положении Генуи в этот период.⁵⁴ Не довольствуясь пребыванием в городе официальных представителей, Мороне время от времени посылал туда с поручениями или просто для сбора сведений своих личных агентов. Среди их донесений хочется особенно отметить донесения некоего Альфонсо Пинчетти, которого Мороне в своих письмах называет «Alfonso carissimo», наполненные живыми деталями.⁵⁵

Общее состояние генуэзских дел и расстановку сил наилучшим образом характеризует сам Мороне в инструкции, выданной им кавалеру Модзаника, специальному посланцу легата к герцогу Савойскому.⁵⁶ Основными противниками выработки и введения нового законодательства стали «новые», которые путем проволок и угроз надеются добиться наибольших уступок для своей партии. Но папа приказал закончить дело в кратчайшие сроки, дабы не дать повода для новых международных осложнений. Новые законы будут введены либо на основе добровольного соглашения, либо объединенными силами других итальянских государей под эгидой папы, если «новые» будут упорствовать в своих непомерных требованиях и попытаются заключить союз с французами или турками, либо передадутся в руки другого иностранного государя, став таким образом причиной новых осложнений. В случае неповиновения, сообщает далее Мороне, папа потребует от союзных итальянских государств не только военной

⁵⁴ 15 писем Одескалько за февраль и 74 письма Каноббио за февраль и март. См. стр. 407 и далее II тома.

⁵⁵ 7 донесений с 6 по 17 февраля. Стр. 467—470, 483—486, 517—520, 567—570, 607—610, 631—634, 725—728 I тома; стр. 503—510 II тома.

⁵⁶ Копия, оставшаяся в деле легации, датирована 9 февраля.

помощи, но и применения к Генуе экономических санкций — секвестра генуэзских имуществ, запрещения торговли с Генуей и т. п.

Папа надеется, что иностранные государи поддержат его позицию в отношении Генуи: император потому, что в противном случае он не получит никакой помощи против турок; испанский король потому, что очень заинтересован в своих итальянских владениях в Неаполе, Сицилии и Милане и в безопасности своих испанских портов. И то и другое может встать под угрозу, если Генуя, эта «la scala e il chiave di tutte cose d'Italia», попадет под покровительство Франции, а папа, если Филипп II будет противоречить его политике, направленной на сохранение независимости Генуи, считает себя вправе заключить любой союз.⁵⁷

Таким образом, как видно из этого анализа, даже после формального замирения международный аспект генуэзского конфликта не только не упростился, но стал более сложным, лишь центр его тяжести переместился в сторону Франции. Отсюда, между прочим, и озабоченность позицией герцога Савойского, отсюда и посылка к нему специального посла.

В самой Генуе обсуждение статей новых законов, по данным донесений Каноббио и Одескалько, проходило в обстановке внешнего спокойствия,⁵⁸ но при большом внутреннем накале страстей. «Новые» не решались призвать пополо к каким-либо активным действиям, но держали народ в состоянии постоянного напряжения. Обсуждение законов было буквально вынесено на улицы города. Пополо, сообщает Одескалько, кажется мне, довольно спокойно обсуждает предложения комиссии. Повсюду на земле находят листовки (bolletini) с изложением ваших предложений и контрпредложений «новых». Но это спокойствие в любой момент могло быть нарушено. 16 февраля тот же Одескалько сообщает, что он опасается волнений в тот момент, когда законодательные решения Комиссии будут объявлены в городе через глашатаев четырех пополанских капитанов.⁵⁹

Общее направление политики трех заинтересованных государств в отношении Генуи отражено соответственно: папы — в письмах кардинала ди Комо (17 единиц) и двух бреве Григория XIII от 22 января 1576 г. к правительству Генуи и правительствам итальянских государств (Венецианской республики, Великого герцогства Тосканского, герцогства Савойского) и Франции; Испании — в письмах папского нунция Николо Орманетто к Мороне (7 единиц) и испанского посла в Генуе (7 единиц), написанных уже после отъезда Мороне из Казале (апрель — июнь 1576 г.); позиция императора представлена лишь двумя

⁵⁷ См. вышеназванную инструкцию Мороне. Стр. 505 II тома.

⁵⁸ Письмо от 9 февраля. Стр. 511 II тома.

⁵⁹ Письмо Одескалько от 16 февраля. Стр. 697—700 II тома.

официальными письмами Максимилиана II к правительству Генуи (15 января) и к Мороне (19 января) и 15 письмами имперского комиссара епископа Акви.

Основное же содержание тома отражает обсуждение и проведение в жизнь текущего законодательства и выработку основного закона республики. С формальной стороны эти документы делятся на две группы.

Во-первых, письма легата от имени комиссии и генуэзской «Синьории» и письма правительства Генуи, дожа и представителей отдельных группировок и социальных прослоек к Мороне, как главе комиссии, или к комиссии в целом. Среди документов, исходящих от генуэзского правительства, наибольший интерес представляет выписка из протокола заседания Синьории от 8 февраля 1576 г. по поводу законодательных предположений комиссии, где нашло отражение мнение действующего правительства республики, т. е. партии новых нобилей по всем вопросам.⁶⁰ Мнение старого нобилитета по общим вопросам будущей генуэзской конституции и текущему законодательству выражено в 10 официальных письмах их представителей, наиболее полно в письмах от 23 февраля и 19 марта. Свою точку зрения выразили и пополаны в письме от *devotissimo et humilissimo il popolo di Genova* к Мороне, датированном 28 февраля.⁶¹

Во-вторых, законодательная деятельность комиссии отражена в декретах (25 единиц). Почти все они представлены в деле легации в своем окончательном варианте, т. е. в виде официальных документов, ратифицированных генуэзским правительством, скрепленных подписью канцлера и печатью дожа. Среди них как законы общего порядка — о высших органах республики и ее важнейших магистратурах, о правилах их избрания,⁶² так и текущее законодательство — о налогообложении,⁶³ всеобщей амнистии (*indulto generale*),⁶⁴ об аннулировании всех *processi, citationi, inquisitioni etc.*, возбужденных между 1528 г. и 5 марта текущего 1576 г. против любого *cittadino, suddito et distrittuale* любого ранга и состояния.⁶⁵ Вполне понятно, что в отношении конкретной законодательной деятельности комиссии наш источник может только служить дополнением к такого рода документам, хранящимся в Генуэзском государственном архиве, и к самому тексту Конституции, принятой 10 марта 1576 г.⁶⁶

⁶⁰ Стр. 499—502 II тома.

⁶¹ Стр. 885—888 II тома.

⁶² От 3 февраля, 29 февраля и 19 марта.

⁶³ 11 февраля, 20 марта.

⁶⁴ 5 марта.

⁶⁵ Стр. 989—992 II тома.

⁶⁶ *Leges novae reipublicae genuensis, Mediolani, 1576*. Это первоиздание имеется в библиотеке ЛОИИ СССР.

Значительно интереснее те материалы легации, которые могут объяснить, чем вызваны были трудности в принятии и проведении новых законов, т. е. именно того, во имя чего и было поднято восстание в 1574 г. Главной точкой преткновения было то, что эти законы вырабатываются не самими генуэзцами, а навязанной им комиссией, что справедливо рассматривалось как покушение на свободу республики.⁶⁷ При этом комиссия не только должна была выработать общие законоположения, но и сама провести первые назначения персонально всех членов правительства: Сената, Большого и Малого советов и назначить членов уголовного суда и других важнейших магистратов города, что и было сделано.⁶⁸ Наибольшие споры и недовольство вызывали вопросы налогообложения, особенно вопрос о введении экстраординарного налога для возмещения убытков, принесенных гражданской войной и сокращением торгово-промышленной деятельности в период восстания. В конечном итоге почти все бремя этих налогов было переложено на «новых» и пополо, так как комиссия сочла нужным удовлетворить требования «старых» о возмещении их убытков.⁶⁹ Среди других спорных вопросов отметим дебаты вокруг разоружения обеих партий и особенно жаркие споры по поводу компетенции высшего уголовного суда (*Rotta criminale*), который решением комиссии был поставлен над правительством Генуи и совершенно от него не зависел.

Официальной датой умиротворения Генуи считается 20 марта 1576 г. — день ратификации новой конституции Сенатом.

Комиссия закончила свою работу, и кардинал Мороне, получив новое назначение, отбыл (4 апреля) из Казале.

Но ни создание нового правительства, ни новое законодательство не разрешили всех спорных вопросов, скорее законодательная деятельность «умиротворителей» породила новые. Они нашли отражение в тех 34 документах, которые, как уже упоминалось, составляют как бы дополнение к нашим томам легации. Часть из них составляет новые декреты и разъяснения по поводу толкования отдельных статей Конституции — *Declaratio* от 24 мая; ответ Мороне из Регенсбурга (2 июня 1576 г.) на некоторые сомнения правительства Генуи в толковании 10 статей Конституции и другие документы. Интересно письмо одного из деятелей бывшей партии «старых» Дж. Сенарега, адресованное Мороне, не только рассуждениями о недостатках судостроительства Генуи и ее военных сил, но и своей публицистичностью и общими рассуждениями о наилучших формах правления.

⁶⁷ Письма дожа к Комиссии трех и другие материалы.

⁶⁸ Поименные списки правительства см. в приложении к Декрету от 8 марта 1576 г. Стр. 1021—1036 II тома.

⁶⁹ 19 марта 1576 г. Стр. 1195—1200 II тома (был ратифицирован 24 марта 1576 г.).

Непрочность умиротворения Генуи проявилась почти тотчас же после завершения работы комиссии. Об этом свидетельствуют два антиправительственных заговора, последовавших один за другим, — осенью 1576 г. и весной 1577 г.⁷⁰ Эти события нашли свое отражение в четырех документах, направленных к Мороне в Германию; официальным поводом их написания были взаимные обвинения правительства и *Rotta criminale* в неправильном ведении дела о заговорах 1576 и 1577 гг.⁷¹ Наибольший интерес из них представляют две пространные реляции,⁷² написанные от имени главного аудитора *Rotta criminale* Джеронимо Джирарди, подробно излагающие обстоятельства заговоров, их цели, указывают на силы, поддерживавшие заговорщиков, рисуют общую обстановку в Генуе.

А. М. КОНОНЕНКО

К ВОПРОСУ О ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ ЧАСТНОМ АКТЕ

При разностороннем исследовании западноевропейского актового материала (особенно при подготовке его к критическому изданию) значительную трудность представляет вопрос о подразделении актов на частные и публичные. Относительно определения черт, присущих одной и другой группе, и, следовательно, установления границы между ними, до сих пор нет твердой точки зрения; вопрос обсуждается и поныне. Он не был обойден молчанием и на XII Международном конгрессе историков в Вене в 1965 г. Мы имеем в виду обстоятельный и интересный доклад Индриха Шебанека,¹ словацкого ученого, выступившего на конгрессе. В докладе была дана картина развития дипломатики, причем преимущественно дипломатики частных актов, и намечены пути, которым, по мнению докладчика, она должна следовать в дальнейшем.

Вопрос о подразделении актов на частные и публичные очень давний, но научная разработка его началась только с XIX в.

Теодор Зиккель (1826—1908),² один из основоположников новой дипломатики западноевропейских средневековых актов, впер-

⁷⁰ F. Casoni. *Annali*... pp. 340, 343.

⁷¹ Стр. 1461—1476, 1497—1504 II тома.

⁷² Обе без даты. Они занимают вместе 12 листов убогистого текста.

¹ J. Šebánek. *Möglichkeiten der Weiterentwicklung der Diplomatie im Rahmen der historischen Mediävistik*. XII-ème Congrès International des sciences historiques, Rapports IV. Wien, 1965, pp. 147—153.

² T. Sickel. *Beiträge zur Diplomatie*, I—VIII, Wien, 1861—1882.